

«Так быстро? Говорили же, что придут позже», – Се Жун бросил подозрительный взгляд на Чан Бэя.

Чан Бэй, поймав этот взгляд, непонимающе почесал затылок и поспешил открыть дверь.

На пороге стояли трое мужчин в черно-золотой форме. Двое сзади были в изолирующих масках, а впереди стоял инструктор Лю.

Инструктор Лю как раз курировал группу, в которой числился Се Жун.

Его острый взгляд мгновенно окинул комнату, фиксируя присутствующих.

— Где Цзун Чихуай?

Он посмотрел на робкого Вэй Цзя. От этого тяжелого взгляда тот затрясся и забормотал:

— Не... не знаю.

Чан Бэй добавил:

— Тоже его не видели. Мне и самому интересно, куда он делся. Не мог же молодой господин Цзун спастись перед какими-то феромонами.

Не получив ответа, инструктор Лю переключил внимание на Се Жуна.

Се Жун слегка приподнял глаза, словно удивляясь, почему инструктор спрашивает его:

— Он мне не сын, с какой стати мне следить за его перемещениями.

Инструктор Лю: — ...

Он впервые видел, чтобы кто-то настолько ни во что не ставил этого избалованного парня из семьи Цзун. У инструктора Лю дернулся угол рта, и он решил оставить тему с Цзун Чихуаем.

— Отсутствие в расположении после девятнадцати ноль-ноль. Запишите фамилию.

Уставом Имперской академии строго предписывалось всем находиться в комнатах после семи вечера, что вызывало массу недовольства у курсантов.

Эти парни были строптивыми, и подобное правило было введено специально, чтобы сбить с них спесь.

Три выговора – и добро пожаловать в карцер.

Сделав пометку напротив фамилии Цзун Чихуая, инструктор Лю вернулся к делу. Первым он допросил Вэй Цзя:

— До меня дошли слухи, что ты не ходил за блокаторами. Не ожидал, что такой парень, как ты, сможет выстоять и не поддаться зову генов. Очень недурно.

Вэй Цзя выглядел настолько робким, что инструктор Лю при первой встрече вообще засомневался, как тот умудрился поступить в Имперскую академию.

Похвалив его, он резко сменил тон на обвиняющий:

— Как тебе это удалось? В какой момент ты пришел в себя и видел ли что-нибудь?

У Вэй Цзя выступил пот на лбу. Под суровым напором инструктора он окончательно растерялся и заговорил сбивчиво:

— Я не знаю... Когда очнулся, все уже дрались. Я... я правда ничего не знаю...

Он умоляюще посмотрел на Чан Бэя, и тот поспешил кивнуть:

— Все так и было. Когда я пришел в себя, он уже стоял рядом со мной.

Чан Бэй помог Вэй Цзя выкрутиться, и тогда взгляд инструктора Лю переместился на Се Жуна, пригвоздив его к месту:

— А ты что скажешь, Се Жун?

Чан Бэй удивился, услышав, что инструктор Лю назвал Се Жуна по имени. Похоже, тот успел запомнить парня.

Инструктор Лю смотрел на Се Жуна во все глаза. Он запомнил его исключительно из-за внешности.

Еще при первой встрече инструктор понял, что перед ним заноза.

Трудный случай - по одному взгляду было ясно, что парень строптив. А учитывая, что в одной комнате с ним поселили Цзун Чихуая, инструктор Лю сосредоточил свое внимание именно на этой парочке.

Се Жун, разумеется, почувствовал подозрение инструктора и слегка усмехнулся:

— Что именно вас интересует, инструктор?

— Во сколько ты вернулся?

— Чуть раньше них. Точного времени не знаю.

Взгляд инструктора Лю давил всей своей тяжестью, так что даже Чан Бэй притих. Вдруг раздался резкий вопрос:

— Се Жун, почему у тебя такое красное лицо?

У Се Жуна дрогнули брови. Он едва сдержался, чтобы не коснуться щеки. Подавив этот порыв, он вскинул свои длинные глаза-фениксы и холодно встретил взгляд инструктора Лю:

— Красное?

В его тоне не было явного вызова, но этот взмах ресниц и природная суровость взгляда мгновенно накалили обстановку в комнате.

Гвардейцы напряглись, готовые к действию, и даже Чан Бэй посмотрел на него с подозрением.

Се Жун стиснул зубы от досады. Ну что за привычка судить по внешности!

— Посторонитесь, вы дорогу загородили.

Когда напряжение достигло пика, позади гвардейцев раздался наглый, ленивый голос.

Длинные пальцы легли на плечи гвардейцев, и парень силой растолкал их, вваливаясь в комнату.

Гвардейцы, не привыкшие к такому обращению, яростно уставились на него, готовые скрутить наглеца, но тот лишь небрежно вскинул брови и крутанул кистью:

— Чего вылупились?

Темные волосы, алая серьга в ухе, вызывающая манера поведения – это был Цзун Чихуай.

Оба гвардейца замерли, не смея шелохнуться от обиды.

Цзун Чихуай усмехнулся и окинул комнату взглядом:

— Ого, сколько гостей у нас собралось. Инструктор, вы так сильно за меня переживаете?

Инструктор Лю помрачнел:

— Цзун Чихуай, мы расследуем дело о флаконе с феромонами. Где ты пропадал?

Присмотревшись к нему, инструктор изумился. Выглядел молодой господин Цзун весьма потрепанно.

Куртка от формы куда-то делась, белая рубашка под ней была измята, но больше всего поражало его лицо – верхняя губа была прокушена.

Порез пришелся прямо на изгиб губы, что выглядело не слишком эстетично и даже немного комично.

Инструктор Лю не сдержал изумления:

— Тебе что, губу прокусил?

Цзун Чихуай переменялся в лице и непроизвольно лизнул саднящую рану. Тон его мгновенно стал агрессивным:

— Да кто бы посмел меня укусить!

— Сам прикусил, ясно вам? Какая разница вообще.

Лицо Цзун Чихуая потемнело от злости. Инструктор Лю решил не докапываться – по сравнению с Се Жуном, который пока ничего не сделал и казался занозой лишь из-за внешности, Цзун Чихуай был настоящим бунтарем.

Внимание инструктора полностью переключилось на него:

— Где ты был? Если ты пришел в себя, почему не вернулся в общежитие? Цзун Чихуай, говори честно, это твоих рук дело?

— Не моих, — отрезал тот. — Вы не по адресу обратились.

— Отвечай нормально. Если будешь юлить, я свяжусь с твоим дедом, — угрожающе произнес

инструктор Лю.

При упоминании деда Цзун Чихуай криво усмехнулся:

— Вроде взрослый человек, инструктор, а ябедничаете как детсадовец. Самому-то не стыдно?

Это было верхом дерзости. Чан Бэй и Вэй Цзя так и застыли с открытыми ртами.

Охренеть!

Это же инструктор, как можно так с ним разговаривать!

В плане наглости молодому господину Цзуну действительно не было равных.

К удивлению присутствующих, инструктор Лю не вышел из себя, а лишь усмехнулся:

— Главное, что это работает. Цзун Чихуай, ты точно не хочешь сказать правду?

Цзун Чихуай злобно заскрежетал зубами. Больше всего на свете он ненавидел, когда им манипулировали с помощью деда, и хуже всего было то, что это действительно работало.

— Я не смог прийти в себя, довольны?! — Рывкнул он.

Как и следовало ожидать, инструктор и гвардейцы так и застыли в изумлении.

Лишь один взгляд выражал крайнее презрение. Цзун Чихуай скосил глаза и наткнулся на узкие глаза-фениксы Се Жуна. В них читались неприкрытая брезгливость и пренебрежение, словно тот смотрел на пустое место.

У молодого господина Цзуна внутри все закипело от ярости, самолюбие было жестоко уязвлено, и он свирепо уставился на Се Жуна.

Его взгляд безмолвно кричал: «Чего вылупился? Еще раз так посмотришь - глаза выдавлю!»

Се Жун мысленно усмехнулся и, проигнорировав его беззвучные угрозы, пренебрежительно отвернулся.

Этот жест Цзун Чихуай расценил как вызов.

Опозориться перед человеком, которого он ненавидел больше всего, было невыносимо. Поэтому на все последующие вопросы инструктора Лю он отвечал сквозь зубы и невпопад, не сводя глаз с Се Жуна и мечтая отыгаться.

<http://bllate.org/book/18044/1732416>